Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ 13/11

Роберт Аллен

ЭКОНОМИКА С ВЫСОКОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТОЙ И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

МОСКВА • 2013

Научные доклады: экономика

Роберт Аллен

Экономика с высокой заработной платой и промышленная революция: подтверждение

«РАНХиГС»

2013

УДК 331.214.5
ББК 62.245

Аллен Р. С.

Экономика с высокой заработной платой и промышленная революция: подтверждение / Р. С. Аллен — «РАНХиГС», 2013 — (Научные доклады: экономика)

ISBN 978-5-04-017782-0

В статье содержится ответ на критику профессором Джейн Хамфриз предложенных автором оценок экономики с высокой заработной платой, сформировавшейся в Англии XVIII в., и ее значения для объяснения промышленной революции. Представлены новые свидетельства, подтверждающие участие женщин и детей в экономике с высокой заработной платой. Также показывается, что введение понятия «экономика с высокой заработной платой» позволяет объяснить причины начавшейся в XVIII столетии промышленной революции, так как произошедшее в ее начале увеличение оплаты труда женщин привело к повышению прибыльности использования прядильных машин. Кроме того, исследуется связь экономики с высокой заработной платой в XVIII в. с неравенством и бедностью в Англии в XIX столетии.

УДК 331.214.5
ББК 62.245

ISBN 978-5-04-017782-0

© Аллен Р. С., 2013
© РАНХиГС, 2013

Содержание

Садовник из Илинга 7
Исчисление реальной заработной платы 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Роберт Аллен
Экономика с высокой заработной платой и промышленная революция подтверждение

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Роберт Аллен
профессор экономической истории Department of Economics Oxford University

Nuffield College
New Road
Oxford 0X1 INF
United Kingdom
bob.allen@nuffield.ox.ac.uk

Джейн Хамфриз поднимает важные вопросы об интерпретации промышленной революции с точки зрения «экономики с высокой заработной платой». В своем ответе я хотел бы привлечь внимание к наиболее важным из них. Дж. Хамфриз совершенно права в одном важном вопросе: положенные мною в основу ценового дефлятора бюджеты действительно должны были бы включать большее количество калорий, чем использованные мною значения. Однако улучшение основы для расчетов никак не влияет на наши выводы относительно важнейших исторических проблем. Помимо этого Дж. Хамфриз задается вопросом о том, какое отношение имеет подход к промышленной революции с точки зрения высокой заработной платы к дискуссии об уровне жизни населения в первой половине XIX в. Прежде я не уделял должного внимания этому важнейшему вопросу, но я постараюсь ответить на него в конце статьи. И наконец, Дж. Хамфриз предлагает собственное ведение проблем благосостояния женщин и детей, а также стимулов к созданию хлопкопрядильных фабрик. Ее точка зрения представляется мне не слишком убедительной, и я объясню почему.

Мы с Дж. Хамфриз придерживаемся различных подходов к промышленной революции. Ее идеи коренятся в давно сложившейся традиционной интерпретации, согласно кото-

рой промышленная революция, в конечном счете, связана с экономикой с низкой заработной платой. Дж. Хамфриз утверждает следующее:

1. В период промышленной революции большинство рабочего класса жило близко к черте бедности или за нею.

2. Женщины и дети страдали от бедности еще сильнее, чем мужчины.

3. Создание механизированных фабрик стало ответом на избыточное предложение низкооплачиваемого женского и детского труда.

Я же, напротив, привожу доводы в пользу того, что промышленная революция стала следствием высокого уровня заработной платы, сложившегося в XVIII столетии в английской экономике:

1. В период, непосредственно предшествовавший промышленной революции, заработная плата английских рабочих была одной из самых высоких в мире и оставалась таковой для многих (но не для всех) на протяжении всего революционного периода.

2. На протяжении всего XVIII столетия уровень жизни английских женщин и детей был одним из самых высоких в мире.

3. Строительство механизированных фабрик позволило сократить издержки производства благодаря замещению дорогого труда английских рабочих, дешевой энергией и капиталом.

По замечанию Дж. Хамфриз, наши разные точки зрения на проблему отражают различия в «перспективе и методологии». Перспектива, вне всяких сомнений, имеет важное значение. Моя перспектива глобальна: я отстаиваю мнение, согласно которому условием правильного понимания английской промышленной революции является сравнение положения Англии и других стран мира в то время. Для того чтобы понять промышленную революцию, мы должны рассматривать Англию в глобальной перспективе. Напротив, перспектива Дж. Хамфриз заключается в социальной критике периода промышленной революции. Она сравнивает уровень жизни английских рабочих и потребление представителей среднего и высших классов и приходит к выводу о несправедливом отношении к трудящимся, заслуживавшим более высокого дохода. Недавняя монография Дж. Хамфриз *«Childhood and Child Labour in the British Industrial Revolution»* («Детство и детский труд во времена английской промышленной революции») представляет собой настоящий шедевр, образец исследования в области экономической истории, в котором жизнь английских детей анализируется с выбранной автором перспективы. Однако исследование, которое основывается на глобальной перспективе, приводит нас к совсем другим выводам.

Садовник из Илинга

Важность глобальной перспективы прекрасно иллюстрирует история садовника из Илинга (английский город, ныне часть Большого Лондона). Дж. Хамфриз приводит пространную цитату из обзора его финансового положения, содержащегося в работе сэра Фредерика Идена (см. реконструкцию в табл. 1). К каким выводам она приходит? У садовника был продолжительный рабочий день, а часть своего дохода он получал в натуральной форме. Семья потребляла не так много продуктов питания, как должна была бы, по мнению Дж. Хамфриз. Она поражена тем, насколько невелики были расходы на одежду. «Бюджет на приобретение одежды в высшей степени проблематичен». Садовник был недоволен высокими ценами и, чтобы свести концы с концами, настаивал на повышении жалованья. Подробно рассмотрев материальное положение садовника, Дж. Хамфриз приходит к выводу, что ни его самого, ни его семью нельзя рассматривать в качестве представителей «экономики с высокой заработной платой».

Когда-то так думал и я. Мне казалось, что образ жизни илингского садовника, как и других английских сельскохозяйственных рабочих, в общем, является типичным для бедняка доиндустриальной эпохи. Будучи начинающим преподавателем экономической истории, я, основываясь на сведениях о расходах садовника, использовал в раздаточных материалах составленный мною бюджет сельскохозяйственного рабочего, чтобы мои студенты могли увидеть, какой была жизнь людей до начала преобразований, вызванных современным экономическим ростом. Но однажды специалист по экономике развивающихся стран из Индии спросил меня, что именно понимают под заработной платой, обеспечивающей прожиточный минимум *(subsistence wage),* классические экономисты. В ответ я показал ему мои раздаточные материалы, в которых, как мне казалось, содержался исчерпывающий ответ на этот вопрос. Мой друг изучил бюджет, поцокал языком и, погрозив пальцем, сказал: «Ну уж нет, это никак не бедняки. Посмотри сколько мяса они ели, посмотри на весь этот сыр, посмотри на это пиво. Какие там бедняки – они были очень богатыми людьми». Если бы я послушал коллегу, у меня появился бы шанс понять нечто очень важное. Но я просто выбросил из головы услышанное тогда – подумаешь, еще один плохо информированный экономист. Сейчас я знаю, что коллега был прав. В наши дни действительно бедные люди во всем мире (те, кто, по выражению Пола Коллиера, составляют «нижний миллиард»), как и в прошлом, получают большую часть калорий, потребляя самые дешевые доступные им хлебные злаки. Время от времени какая-то их часть идет на приготовление супа, пудинга или каши. Иногда из зерна изготовляется мука грубого помола, из которой пекутся пресные лепешки тортилья (Мексика) или чапати (Индия). Бедняки употребляют в пищу бобовые и какие-нибудь жиры. Мясо в их рационе встречается редко или вообще отсутствует, а об алкоголе не может быть и речи. В начале XVII столетия голландский купец Франциско Пелсарт, побывавший в Индии, писал, что жители северной ее части питались «исключительно небольшими порциями кеджери, изготовленным из зеленых бобов смешанных с рисом <…> вечером эту смесь едят с маслом, а днем они помаленьку жуют сухие бобы или другие злаки» (Pelsaert 1626). Нигде в мире бедняки не могли (и до сих пор не могут) позволить себе покупку хлеба, пива и мяса, составлявших обычный рацион садовника из Илинга. Они получают свои калории из более дешевых источников.

Конечно, илингский садовник мог бы сэкономить, приобретая те же самые продукты питания, что и мексиканский пеон, итальянский батрак или китайский кули. Сэр Фредерик Иден прекрасно понимал, что садовник из Илинга ведет очень дорогой образ жизни. При этом Иден исходил не из глобальной перспективы, но из сравнения Юга и Севера Англии. Он подсчитал, что «рабочий из Камберленда, точно так же хорошо обеспеченный овощами,

мог бы питаться множеством вкусных блюд с луком, картофелем и молоком; при этом его годовые расходы на домашнее хозяйство укладывались бы в сумму, не превышавшую 15 фунтов стерлингов в год» (менее половины расходов садовника). Этот рацион весьма напоминает традиционный стол французского крестьянина, о чем упоминает сам Иден: «…удивительно, что эта семья должна потреблять столь большое количество лучшего пшеничного хлеба. Последний является настолько существенной частью рациона рабочего в южных частях Англи <…> что любой фермер, который попытался бы разнообразить питание своих наемных рабочих, предлагая им вкусные и питательные супы и пудинги, был бы воспринят как жестокосердный человек…» (Eden 1797, p. 435). Иден приходит к заключению, что «они могли бы откладывать половину своего дохода; при этом питание их семей не изменится, так как рацион оставался бы полноценным; я полагаю (исходя из того многообразия блюд, которое можно было бы приготовить), что вскоре бы питание воспринималось бы как более вкусное, чем обед, состоящий только из хлеба шесть дней в неделю и небольшой порции простого жареного мяса в воскресенье» (p. 435).

Иден был прав в том, что садовник мог бы сэкономить немалые деньги на приобретении продуктов, не снижая при этом питательность рациона. Если заместить хлеб, мясо, пиво, сыр и сахар достаточным количеством овсяной муки, которая содержит то же самое количество калорий, семья могла бы сэкономить 17-17-3 фунтов стерлингов, или около половины своего годового дохода. На этом возможности экономии не исчерпывались, так как в то время стоимость корзины продуктов, необходимых для простого поддержания физического существования *(bare bones basket),* составляла всего лишь около 10 фунтов стерлингов в год. Дело в том, что потреблявшиеся садовником продукты были дорогим источником калорий. Хлеб стоил 2 пенса в расчете на 1000 калорий, мясо и сыр – 3 пенса, а цена пива и сахара достигала 4 и 5 пенсов, соответственно. Овсяная мука, напротив, обходилась всего в 1 пенс в расчете на 1000 калорий. Конечно, овсяная диета быстро надоела бы садовнику. Кто способен прожить на одной овсянке?

Только не илингский садовник и его жена. К счастью, им даже не пришлось попробовать: заработная плата садовника была достаточно высокой, чтобы покупать белый хлеб, по воскресеньям вкушать мясо, запивая еду пинтой пива, даже если «на дворе стояли тяжелые времена». В большинстве других частей света положение рабочих было гораздо более тяжелым – заработки не позволяли приобретать продукты в количестве, которое соответствовало бы уровню жизни садовника из Илинга. В этом смысле Англия была страной, экономика которой характеризовалась высоким уровнем заработной платы.

Исчисление реальной заработной платы

Я разработал процедуру сравнения реальных заработных плат во времени и пространстве с использованием показателя, который называется «норма благосостояния» *(welfare ratio*) или «норма прожиточного минимума» *(subsistence ratio).* Он исчисляется как семейный доход, отнесенный к издержкам поддержания заданного уровня потребления[1]. В настоящей работе под семейным доходом, в большинстве случаев, понимается заработок главы семьи (мужа). При исчислении семейного потребления на первом этапе задается ежегодная матрица годового потребления для мужчины. На втором этапе полученное значение расходов умножается на 3, что позволяет нам получить величину дохода, обеспечивающего прожиточный минимум семьи, количество членов которой эквивалентно трем мужчинам (принимаем, что семья состоит из взрослых мужчины и женщины и двух детей). Первую задаваемую матрицу потребления я определил как «достойную корзину» *(respectability basket*), содержащую хлеб, мясо и пиво. Первоначально, она обеспечивала получение 1940 калорий в день, но впоследствии я увеличил ее до 2500 калорий (Allen 2009, p.36). Кроме того, были заданы корзины «прожиточного минимума» *(.subsistence basket),* содержавшие самые дешевые доступные хлебные злаки, поскольку население большинства регионов мира, за исключением Северо-Западной Европы, не могло позволить себе достойную корзину. Эти минимальные корзины также предоставляли по 1940 калорий в день. Очевидно, что использовавшаяся мною процедура носит условный характер, поскольку количество членов семьи может быть различным, но стандартизация позволяет нам сравнивать реальные заработные платы, которые получали главы семей в разных странах и в разные столетия. Норма благосостояния, равная единице, означает, что рабочий получал ровно такую заработную плату, которая позволяла ему содержать семью на уровне, соответствующем стандартному образу жизни, а более высокие значения соответствуют дискреционному доходу, который можно было тратить по усмотрению семьи. Мы видели, что илингский садовник мог полностью обеспечить свое собственное существование и существование своей семьи с гораздо меньшими расходами. Мы знаем, что доходы садовника в четыре раза превышали прожиточный минимум. Этот значительный избыток тратился в основном на приобретение продуктов питания, представлявших собой более дорогие источники калорий.

Однако, по мнению Дж. Хамфриз, заданные мною корзины не обеспечивают получение достаточного количества калорий. Рассмотрим позицию Дж. Хамфриз. Потребление составляет всего 1455 калорий в расчете на одного человека, в то время как на взрослого мужчину приходится 1940 калорий, и мы исходим из того, что семья состоит из четырех человек (эквивалентно трем взрослым мужчинам) – (1455= 940 x 3/4). Эти 1455 калорий означают, что в соответствии с определением минимального прожиточного уровня, предложенным М.Шурьяна-раяной (Suryanarayana 2009, p.35), семья попадает в нижний дециль распределения доходов в Индии. В то же время рацион, обеспечивающий получение 1455 калорий, не соответствует современным представлениям о продовольственной безопасности и уровне бедности (см. Allen 2013). Кроме того, это количество калорий недостаточно для работающего человека. Для того чтобы соответствовать используемым в наши дни показателям, следовало бы установить значение пищевого рациона на уровне 2100 калорий на человека в день. Выполнение требования, согласно которому каждый член семьи (что означает отказ от использования эквивалента взрослого мужчины) должен получать 2100 калорий, подразумевает, что величина потребительской корзины семьи превышает стоимость

[1] Для большинства стран годовой доход рассчитывается как заработная плата за день, умноженная на 250 рабочих дней.

минимальной потребительской корзины не в четыре, а в три раза[2]. Следовательно (мы еще вернемся к вопросу об этом), взрослый работающий мужчина получал в среднем 3657 калорий в день (что позволяло ему трудиться), а женщина-2045 калорий (что позволяло ей подрабатывать, например, прядением). Рацион питания детей также соответствует стандартам Всемирной организации здравоохранения для активной жизни. В табл. 2 представлены потребительские матрицы, согласующиеся с этими нормами.

Предположим, мы согласимся с предлагаемым изменением. Это означает необходимость повсеместного увеличения уровня расходов, соответствовавших минимальной потребительской корзине, а также количества корзин, приходившихся на каждую семью. Выполнение данного требования, практически, никак не повлияет на международные сравнения, а статус Англии, как страны, экономика которой характеризовалась высоким уровнем заработной платы, получает дополнительное подтверждение. На рис. 1 приводятся данные о рассчитанных на новой основе значениях минимального прожиточного уровня для шести городов, уже рассмотренных мною при сравнении уровней жизни рабочих (Allen 2009, p.40). Оба графика имеют одну и ту же геометрию. В начале Нового времени наиболее высокую и достаточно постоянную заработную плату получали трудящиеся Лондона и Амстердама. В XV столетии высокие заработки имели жители Флоренции и Вены. В то же самое время в Пекине и Дели реальная заработная плата рабочих была довольно низкой. Даже если мы используем более высокие показатели калорийности рациона питания рабочих, Англия остается страной, экономика которой характеризовалась высокой заработной платой.

Дж. Хамфриз выдвигает возражения и против отдельных положений разработанной мною процедуры. Однако вопросы, которые она ставит, никак не влияют на вывод о высоком уровне заработной платы в экономике Англии. Рассмотрим ее возражения более подробно.

Патриархальность процедуры

Расчеты в рамках рассматриваемой нами процедуры применяются в отношении «семьи, в которой основным кормильцем является мужчина (С О КМ)». По мнению Дж. Хамфриз, эта категория является внеисторической. Она справедливо замечает, что всегда существуют разнообразные формы семьи, в некоторых случаях предполагающие отсутствие мужчины. Безусловно, было много сирот. Более того, процедура игнорирует доходы женщин и детей. Таким образом, как считает Дж. Хамфриз, модель, в основе которой лежит предположение, согласно которому мужчина обеспечивает существование жены и детей, не должна использоваться в качестве отправной точки анализа.

Так ли это? Поскольку одновременное существование различных форм семьи не ставится под сомнение, вопрос заключается в том, какая из них является доминирующей. Наилучшая подборка фактических данных на интересующую нас тему, относящихся к периоду промышленной революции, содержится на с. 62 книги Дж. Хамфриз *Childhood.* В составленной ею выборке биографий 433 из 584 детей выросли в полных семьях. Их доля составляет 74 %. Как показывают С. Хоррел и Дж. Хамфриз, заработная плата главы семьи состав-

[2] Взрослые мужчины составляли около 25 % населения. Мы можем обобщить данное положение, утверждая, что средняя семья включала в себя мужчину, женщину и двоих детей. В соответствии с детальными расчетами нормы эквивалентов взрослого мужчины (ЭВМ) для английского населения Р.Флауда, Р.Фогеля, Б.Харриса и С.Хонга, ее величина очень близка к трем ЭВМ для четырех человек (Floud, Fogel, Harris, and Hong 2011, pp. 165–167), что соответствует моему допущению. Дж. Хамфриз предполагает, что для рабочего класса норма должна быть выше, однако представляемые ею фактические данные не подтверждают эту точку зрения. Например, она утверждает, что в семьях, относившихся к рабочему классу, женщины имели в среднем более четырех детей. В то же время очевидно, что не все из этих детей жили вместе с родителями и должны были обеспечиваться доходами взрослых (высокая детская и младенческая смертность, со временем дети вырастали и начинали самостоятельную жизнь) (Schneider 2013). Более того, если Дж. Хамфриз стремится показать, что мои допущения ведут к завышению оценки уровня жизни в Англии, ей следовало бы предоставить свидетельства, подтверждающие, что в семьях английских рабочих количество детей было выше, чем в рабочих семьях в других странах. В отсутствие доказательств ее утверждение вызывает большие сомнения.

ляла большую часть доходов семей трудящихся (Horrell and Humphries 1995). «В общем, на долю заработка мужчины обычно приходилось <…> около 70–80 %» семейного дохода, в то время как «оплата труда женщин и детей <…> достигала примерно 20 %», причем основной вклад принадлежал детям. Вклад женщин был совсем невелик (Horrell and Humphries 1992, p. 858 ftn 31). Поэтому на с. 88 *Childhood* Дж. Хамфриз вынужденно признает «важнейшую экономическую роль отца». Поскольку большинство детей росли в семьях, в которых основным кормильцем являлся мужичина, и их благополучие зависело от заработка отца, С О КМ может с полным основанием использоваться как исходный пункт исследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.